

— Прости за безответственные слова.

Я говорил это искренне. Я не мог сразу оправдать его ожидания и при этом легкомысленно отнёсся к его нехватке — если подумать, злодеем здесь был именно я.

Что делать дальше?

Занять его сторону на время, а когда появится настоящий главный герой... нет, настоящий омега — тихо отступить?

А если так никто и не появится, смириться, жениться, родить ребёнка и жить спокойно, по-семейному?

Справлюсь ли я вообще с этим, если мне уже сейчас едва хватает сил разбираться с тем, что происходит прямо перед глазами?

Тот самый «милота-милота, счастливый финал», о котором так мечтала Чжэ Ён... Чьей историей он был?

Ответа я так и не нашёл.

И потому всё, что я мог сказать доброму главному герою, решившему помочь мне, поверив всего лишь одному письму, было лишь одно:

— ...Я постараюсь. Чем бы это ни закончилось.

Кронпринц, который всё это время тихо стоял, прижав щеку к моей ладони, медленно закрыл глаза.

Кронпринц, давно не появлявшийся на тренировочной площадке, вновь появился, и рыцари тут же подтянулись, напрягая пояса и выкладываясь на полную. После прибытия линдбергского принца он почти не показывался, и дисциплина слегка ослабла.

Сегодня кронпринц вместо тренировочного оружия взял настоящий меч и начал крошить манекены. С виду он был спокоен, но внутри всё кипело.

Причина была очевидна — Карл Линдберг.

Любил ли он его? Любил ли всерьёз?

Пока что — нет.

Но, похоже, скоро начнёт.

Стоило Карлу оказаться рядом, как все нервы тянулись к нему. Его вежливость, старание и искреннее стремление делать всё правильно трогали. То, как он заботился о людях вокруг и щедро раздавал мелкие знаки внимания, раздражало — но мысль о том, что, став его человеком, он будет так же относиться и к Адриану, заставляла сердце биться быстрее.

Иногда было невозможно понять, умен он или наивен — и каждый раз Адриан ловил себя на том, что его это задевает. Но сильнее всего ранило другое: когда Карл, глядя на него покрасневшими щеками и отстранённо-синими глазами, словно ясно говорил «Даже если

отбросить все эти признаки, в моём будущем тебе места нет».

Адриан остановился и коснулся щеки, к которой тот прикасался раньше.

Мягкая.

С приятным запахом.

Несмотря на то, что Карл был ровесником, маленьким и хрупким, в тот миг ему безумно хотелось прижаться щекой к его ладони и попросить утешения.

Нет.

Наоборот — хотелось вцепиться зубами в его пальцы.

Карл говорил, что у него ещё не было течки. Для доминантных носителей, которые обычно впервые переживают её лет в пятнадцать, это было пугающе поздно. Возможно, поэтому и магия у него почти не ощущалась — и это казалось Адриану странным и подозрительным.

Он даже допускал мысль, что Карл вовсе не доминантная омега, а Линдберг просто водит его за нос. Но при первой встрече Адриан был уверен: Карл — настоящий доминантный омега. От него отчётливо исходили феромоны, словно он мог войти в течку в любой момент.

И то, что его до сих пор оставляли в покое... значит, в Линдберге все были либо слепы, либо безумны. Или же там просто не осталось нормальных носителей признаков.

Адриан резко стиснул зубы.

Нет. Если бы Карл пережил течку в Линдберге — это было бы кошмаром.

Ребёнок от какого-то неизвестного альфы...

А если учесть, что доминантные омеги способны привлекать даже бет — кто знает, кого бы ему подсунули.

Мысль о том, что чьи-то грязные кости касаются его тела, мгновенно вскипятила кровь.

Теперь Адриан начал понимать императора Глена, который не мог стерпеть даже крошечный взгляд в сторону императрицы. Альфы, при всей своей силе, когда находят пару, становятся такими вот — тревожными и неуравновешенными.

С каждым взмахом меча манекены рассыпались в щепки, и капитан рыцарей лишь щёлкнул языком:

— Похоже, сегодня его высочество не в духе.

Сила кронпринца была известна всем, и для него даже изготавливали особые манекены, но, судя по всему, мастеров сегодня ждала ночная работа.

— Добыча перед глазами, а тронуть нельзя — тут любой взбесится, — пробормотал подошедший как раз вовремя Белфри.

— Господин Хендрик! — обрадовался капитан.

— Рад вас...

— Уведите его высочество отсюда, пока наших рыцарей не расплющило, — перебил он, толкнув Белфри в спину.

— То есть вы предлагаете мне быть разрубленным, как тот манекен? — пробормотал Белфри, глядя на разлетающегося пополам болванчика.

— Вы бета, вам не понять. Его высочество сейчас способен перебить всех здесь.

Капитан улыбался, но пот заливал ему лоб. Белфри оглядел рыцарей — и действительно, несколько рецессивных альф уже сидели на земле с носовыми кровотечениями.

— Вот почему я и говорил освободить площадку, когда его высочество приходит, — цокнул Белфри.

— Половина рыцарей им восхищается, тут уж ничего не поделаешь, — сказал капитан с кривой улыбкой.

Белфри нахмурился.

Сила кронпринца внушала страх, но вместе с тем и притягивала. Молодые рыцари с нетерпением ждали момента увидеть его в бою, и потому с его появлением тренировочную площадку наполняло странное напряжение.

— Он что, поссорился с линдбергским принцем? В последнее время выглядит особенно раздражённым, — спросил заместитель капитана, вытирая кровь из носа.

Белфри сделал шаг в сторону — тот задыхался под давлением феромонов, но при этом смотрел с откровенным обожанием. Для Белфри, вечного гуманитария и далёкого от телесных подвигов, это было непостижимо.

— С чего бы им ссориться? Они ведь даже не встречаются, — ответил он.

— Что? Не встречаются? Да принц в последнее время так разбрасывается феромонами, что рыцари близко подойти не могут. А вы, ваше высочество, который чаще всего рядом с ним, в порядке?

Это была правда. Золотистые волосы, безупречная внешность и сладкий аромат — знать избегала даже внешних стен замка. Будь он простолюдином, беды было бы не избежать, но его предполагаемым партнёром был сам кронпринц Адриан, и любая ошибка могла стоить роду трёх поколений.

Белфри задумался: а был ли Карл Линдберг настолько популярен раньше? Иногда рыцари замирали, иногда служанки суетились — но разве он не просто симпатичный парень? Да ещё и для омеги довольно высокий и крепкий.

Заместитель капитана поднял большой палец:

— Подойдёшь — и сразу чувствуешь очень хороший запах. Настолько, что бабочек привлекает.

— Хм... вот как, — пробормотал Белфри.

Сам он рядом с принцем чувствовал лишь запах хорошо высушенного белья.

— Он распространяет не только феромоны, — многозначительно добавил капитан.

— А что ещё? — насторожился Белфри.

Ему стало тревожно: вдруг наивный принц, сам того не зная, уже успел наделать глупостей?

Он знал, что Карл больше не тот безумец, что прежде, но сомнение всё же закралось.

— Он ведь не замышляет ничего опасного, правда?

Будучи единственным бетой среди трёх детей доминантных альфа и омеги, Белфри знал о феромонах лишь в теории. Если бы доминантная омега решила соблазнить всерьёз, половина рыцарей здесь пала бы без шансов.

Капитан махнул рукой:

— Я понимаю, о чём вы думаете. Но нет, не в этом дело.

— Тогда в чём?

В конце концов, когда Белфри, ударив себя в грудь, начал жаловаться на своё раздражение, колебавшийся заместитель командира всё-таки ответил:

— Он разбрасывается чувствами. Такой... мелкой, морозящей привязанностью.

— Что? — вырвалось у ошарашенного Белфри.

На его растерянную реакцию заместитель тихо хохотнул.

— Вы знаете, что с тех пор, как он сюда прибыл, он не пропустил ни одного дня без тренировок на плацу? И утром, и вечером.

Белфри кивнул.

И без того худощавый, словно сравнивая себя с Его Высочеством наследным принцем и с самим Белфри, он тренировался день и ночь — бегал и занимался упражнениями с собственным весом так, будто поставил на это жизнь. Это и не было особым секретом.

Когда Белфри иногда заглядывал по делам, тот встречал его какими-то непонятными движениями. А его слуга при этом с гордостью объяснял: мол, вот это — «франк», а вот это — «дэдлифт».

— Как ни смотри, он совсем не похож на омегу, — заметил заместитель.

Командир тут же поправил его:

— Не то чтобы не похож на омегу... скорее, в целом он совсем не ведёт себя как подобает аристократу.